

Сергей САКАНСКИЙ

КОЛЛЕКЦИЯ

Роман

Правда
о страшных
сказках

Сергей Саканский

Коллекция

«Автор»

2016

Саканский С. Ю.

Коллекция / С. Ю. Саканский — «Автор», 2016

Профессиональный кладоискатель сталкивается с необъяснимой тайной. За достаточно большие деньги ему предлагают проникнуть в старый московский подвал и взять оттуда только один предмет, на первый взгляд незначительный. Множество других вещей ставят диггера в тупик: откуда они тут взялись, кем и с какой целью были помещены в подвал и замурованы? Решая эту головоломку, он не сразу понимает, что оказался втянутым в события планетарного масштаба, начало которым было положено тысячелетия назад. Сможет ли он спасти Землю от катастрофы и противостоять настоящим чудовищам, похоже, явившимся прямо из детских кошмаров? Конечно, сможет, ведь хэппи-энд обусловлен самим жанром. Вопрос лишь в том, каким образом он и его юная подруга преодолеют немислимые препятствия на своем фантастическом пути?

© Саканский С. Ю., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Устройство в коробке	5
Подземелье	8
Комната	10
Аладдин	13
Ночной кошмар	16
Странные грабители	18
Тетрадь мальчика	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Саканский

Коллекция. Правда о страшных сказках

*Ты пьешь холодную воду в жаркий день. И ты не спрашиваешь –
зачем? Ты просто пьешь, и тебе хорошо...
Братья Стругацкие, «Стажеры»*

Устройство в коробке

Квант сидел за столиком у колонны, отражаясь в многочисленных зеркалах, и поглядывал на дверь. Загадочный человек, который назначил ему встречу, мог быть и юношей с модной прической, и солидным седовласым господином, но реальность превзошла любые фантазии.

По договоренности, Кванту следовало просто прийти в определенный ресторан, а уж клиент сам узнает его: благо, что различные фото Кванта красовались на Фейсбуке, где тот его и нашел – Квант спускается в подzemелье с налобным фонариком, Квант небрежно держит под мышкой старинную обугленную книгу баснословной стоимости, Квант просто сидит и пьет пиво в компании других знаменитых кладоискателей...

От нечего делать он любовался официанткой, которая резво бегала между столиками, словно трудолюбивый муравей. Ее быстрые ножки в черных колготках сверкали в свете ламп, встроенных в плиты пола. Пробегая мимо Кванта, девушка поинтересовалась, красноречиво заглянув в его пустую кружку:

– Вам не повторить?

Вот интересная система жестов. Что тут происходит вообще – обслуживание или выбор невесты? Чтобы прочитать ее имя, Квант был вынужден рассмотреть грудь девушки, где висел бейджик, вернее, чтобы рассмотреть эту грудь, он якобы прочитал имя...

– Нет, Катя, – сказал он. – Я просто жду человека, а пива больше одной кружки вообще не пью. Вот и он, впрочем...

Заказчик, который нашел Кванта в интернете и предложил ему некое особое поручение, оказался глубоким старцем, лет под девяносто, если не более... Войдя, он медленно двинулся прямо к нему, постукивая палкой по мраморному полу, по круглым светильникам на полу. В руке он нес продолговатую коробку, завернутую в черный пакет. Он сел напротив, устроил коробку у ножки стола, вытер платком лысину и лишь потом заговорил:

– Я тот, кого вы ждете, молодой человек.

Кванту было пятьдесят с гаком, но его собеседник годился ему в отцы или даже в молодые дедушки. Выглядел он прекрасно, как все обеспеченные старики, смахивал на пожилого миллионера из кино. На метро такие люди не ездят. Если бы он пользовался услугами шофера, то и коробку принес бы шофер. Значит, сам водит машину. Крепкий старик, – подумал Квант, искренне порадовавшись за него. Правда, он тут же отметил неестественную бледность его лица, которая была следствием то ли возраста, то ли болезни...

Катя немедленно подлетела, склонилась над новым посетителем. Нет, ее грудь старика не интересовала. Он заказал чашку чаю без сахара, вовсе не взглянув на девушку.

– Я намереваюсь дать вам поручение, – сказал он Кванту, – связанное с вашей специальностью. Я хочу, чтобы вы проникли в один московский подвал и принесли мне одну небольшую вещь. Задача очень простая. Гонорар будет значительным.

– Андрей Николаевич... – начал было Квант, но старик понял суть его сомнений и перебил:

– Это не криминально. Обыкновенный подвал старого жилого дома. Вариантов оплаты два. Если в подвале что-то есть, то оно все станет вашим, а это, поверьте, немало. Если же подвал пуст, то я просто заплачу вам ту сумму, которую вы назовете.

– Интересно, – сказал Квант. – А вы, вообще-то, знаете, что в этом подвале есть?

– Что там может быть, – уточнил старик. – Да, я это знаю, поскольку еще не совсем выжил из ума, хоть и близок к этому, кхе... – он рассмеялся. – Давайте так. Если вы согласны с тем, что я уже сказал, то мы тут же продолжим общение.

– Почему бы и нет? Я всю жизнь лазил по подвалам, чердакам и всяческим развалинам. Для меня это легко.

– В чем я и не сомневаюсь, ведь я изучил множество страниц так называемых диггеров, и выбрал именно вас.

Квант с достоинством кивнул.

– Подвал находится в старом доме на Сретенке. Вернее, в одном из переулков этого района. Вот адрес, – Андрей Николаевич достал заранее заготовленную бумажку и протянул ее Кванту.

Тот взял, глянул... Он хорошо помнил этот дом и был в его подвале, как и во многих других подземельях Москвы. Когда-то он нашел там старую швейную машинку, которую удалось отреставрировать и продать, плюс еще несколько незначительных мелочей.

– Этот подвал пуст, – сказал он заказчику. – Там только пыль и мои следы в пыли.

– Подвал имеет минус-второй этаж.

– Я знаю. Его свод разобрали диггеры. Под ним еще одно помещение, также пустое.

– Просто помещение? Одно?

– Да, сильно вытянутое в длину.

– Одно помещение, безо всяких ниш или проходов?

– Насколько я помню, да, – сказал Квант, которому все меньше нравилась эта затея.

Память у него была фотографическая, натренированная годами изысканий. Подвал был давно и основательно разорен. Квант рассказал своему заказчику, как выглядит это место, нарисовав пальцами в воздухе его схему.

– Твое описание совпадает с тем, что я знаю, – сказал Андрей Николаевич, бесцеремонно сменив стиль обращения.

– Разумеется вы можете называть меня на «ты» по праву возраста... – быстро вставил Квант, поскольку не желал притворяться, что не заметил фамильярности, как это делают многие «тактичные» люди. – Кстати, нескромный вопрос... Сколько вам лет: девяносто уже исполнилось?

– Нет еще, – сказал старик, – и это не имеет значения. Важно следующее. В том пустом помещении надо разрушить стену. И вот за этой стеной будет уже другое – полное. Это простая задача. Войти, взять и принести.

Старик притянул к себе листок с адресом, щелкнул авторучкой и нарисовал что-то. Снова двинул листок по столу.

– Это чайник? – спросил Квант, глянув на рисунок.

Старик тоже посмотрел на свое произведение и сказал, усмехнувшись:

– И впрямь похоже. Нет. Это не чайник. Смотри, и вправду, не принеси оттуда какой-нибудь чайник, благо, их там достаточно. От чайника этот предмет отличается тем, что в нем нет никаких отверстий. По всей вероятности, он находится в данной точке... – старик проворно нарисовал квадрат помещения, дверной проем и крестик в левом дальнем углу.

Квант с трудом удерживал приветливую улыбку.

– Вы думаете, что я полезу черт-те куда и черт-те зачем? И я поверю этому листку?

– Ты поверишь.

Старик нагнулся, поднял свою коробку и, кряхтя, водрузил ее на стол.

– Прямо перед тобой доказательство, что это не розыгрыш и я не сумасшедший.

Андрей Николаевич довольно ловко расчехлил проворными пальцами пакет, и глазам изумленного Кванта предстал новый, будто бы только что из магазина, пластиковый футляр. Судя по этикеткам, внутри был мощный перфоратор, причем, самой последней буржуйской модели, отличающийся высокой энергией удара и соответственно – ценой.

– Можешь считать это орудие залогом. После того, как исполнишь работу, оставишь себе, ибо мне, как ты понимаешь, оно больше не понадобится.

Да с помощью такого устройства можно сокрушить крепостную стену! Будь оно у древних воителей, то никакие осадные башни и тараны были бы им не нужны. И будь намерения Андрея Николаевича несерьезными, незначительными, он бы никогда не купил столь дорогую вещь и не отдал ее безо всяких гарантий первому встречному.

Квант весомо положил руку на коробку, что означало: да, я согласен.

Подземелье

Заказчик поднялся и ушел, выстукивая в обратном порядке свою мелодию по светильникам на полу, а Квант остался наедине с перфоратором. Он неторопливо открыл футляр и вытащил инструмент. Аккумуляторный перфоратор на обеденном столе в ресторане мог вызвать замечание со стороны официантки. Возможно, бессознательно, Квант именно этого и хотел: подойдет, сделает замечание, дескать не место в такой обстановке аккумуляторному перфоратору, сударь.

Это устройство напоминало какое-то причудливое оружие будущего из фантастического кино: некой своей смехотворной нелепостью, будто являлось созданием бутафора, а не настоящего конструктора.

Катя действительно подошла, но ее замечание было совершенно неожиданным:

– Такое орудие, да каким-нибудь попаданцам, штурмовать замки в Средние века, – сказала она, будто прочитала его мысли.

– Откуда вы знаете, девушка, что это такое? – спросил Квант.

– Я вообще, довольно образованная девушка, – ответила Катя, невзначай протирая столик оранжевой салфеткой.

Квант забрал коробку и ушел. С образованной девушкой Катей он еще пересечется, благо что встретиться они с заказчиком договорились в этом же маленьком ресторане. Времени, правда, в жизни нет на любовные истории, да и желания особого. Ладно: оставим пока что как легкий флирт с официанткой...

Квант вообще-то нравился молодым девушкам определенного склада: он был похож на старого байкера-рокера, который носит длинную седую гриву, кожаную куртку, правда, мотоцикл у байкера-рокера все же либо последней модели, либо антикварный раритет.

У Кванта мотоцикла не было вообще и к байкерам он особой любви не питал, но с этой своей похожестью ничего поделаться не мог: был по душе ему такой стиль, и всё. С девушками стиль работал как фильтр, и большая их часть смотрела на него, как на придурка, но именно эти девушки и самого Кванта не интересовали: вот в чем была суть фильтрации. Если же какая-то все же обращала внимание на столь колоритного мужика, то это многое значило: и характер ее был ясен, и поговорить было, о чем.

Впрочем, Квант думал об этой девушке, да и о девушках вообще недолго: надо было спускаться под землю и как можно скорее. Долбить перфоратором в жилом доме вечером он не будет, имитацию ремонтных работ можно провести завтра с утра, а вот на предварительную разведку он отправится прямо сейчас: надо только закинуть домой инструмент, включить его на минуту в розетку для проверки и переодеться.

Квант так и сделал. Около десяти вечера он уже брел с легкой сумкой на плече по Печатиному переулку. Он прошел мимо колоннады, под которой в восьмидесятые годы располагалась пивнушка, куда хаживали тогдашние диггеры, хотя, впрочем, самого слова «диггер» в русском языке в ту пору не существовало.

Дом, о котором шла речь, оказывается, был наполовину выселен, готовился к капитальному ремонту. Никто не будет удивлен, что завтра с утра все эти стены пронзит структурный шум...

Квант прошел под аркой двора. Как и ожидалось, не все парадные были закрыты на домофон. Одна дверь распахнута настежь. Судя по замусоренности, вся лестничная клетка была необитаемой. Возможно, где-то в покинутых квартирах ночевали бомжи, но это не важно. Спуск в подвал был именно тут.

Квант расстегнул сумку и быстро переоделся в рабочий комбинезон. Налобный фонарик пригодился сразу: подвал дома был обесточен. Место, о котором шла речь, находилось в даль-

нем, юго-западном углу подземелья. Квант добрался туда быстро, переступая старую запыленную рухлядь.

По этому помещению он продвигался уже с осторожностью, так как помнил, что здесь была яма. Это был широкий квадратный колодец два на два метра, его дно совпадало с «минус-вторым этажом», как назвал его старик. Вероятно, это были следы раскопок кладоискателей минувших веков, искавших здесь библиотеку Ивана Грозного или что-то в этом роде. Позже яма, вероятно, использовалась как ледник: то есть, очередной владелец дома просто перегородил нижний коридор двумя стенами, что было видно по разнице в кладке. Черт ногу сломит, честно говоря, под нашей Москвой!

Далее была стена, кем-то уже проломленная, а за ней комната с бесформенной дырой в полу. Лебедку Квант, конечно же, взял. Зацепил карабин за прутья подвального окна и без проблем спустился вниз.

Это и была именно та комната, в которой надо долбить стену. Восточная стена была кладкой шахты-ледника, западная (Квант и ее рассмотрел с точки зрения времени) также представляла собой заложённый проем. Ясно: это фрагмент древнего туннеля, идущего ниже уровня подвала дома и проложенного до его постройки. Так и образовался этот халявный минус-второй этаж. Откуда и куда ведет туннель, еще предстоит разобраться будущим диггерам, а Кванта интересовали боковые стены: именно в них, как поведал старик, и расположена скрытая ниша, вернее, даже не ниша, а замурованный проход в тайную комнату.

Квант сразу отыскал его. Немудрено: если знать, что ищешь. В прошлый раз ему показалось, что здесь просто кто-то начал вести штукатурные работы, да бросил. Выглядело это именно так. Вымазали часть стены, потом передумали продолжать, вот и получилось бесформенное пятно. Теперь было ясно: это просто маскировочный прием, чтобы скрыть прямоугольник двери. Квант достал из сумки специальный фонарик, более мощный, нежели горел у него во лбу, плюс с УФС-функцией, позволяющей видеть нечто, не заметное простым глазом.

Так и оказалось: система трещин в штукатурке складывалась в прямоугольник. За всем этим месивом явно была дверь. Андрей Николаевич говорил, что это железная дверь, что она находится в нише, и как раз для того, чтобы освободить ее от слоя цемента и понадобится перфоратор.

Что ж! Фронт работ ясен, тропа протоптана. Поднявшись из подземного хода в подвал дома, Квант заметил старые рулоны рубероида еще советского образца да листы шифера, сваленные в стопку у стены. Все это могло пригодиться: если он освободит дверь и действительно найдет там какие-то несметные сокровища, то на те несколько дней, пока он организует их вывоз и схрон, надо будет как-то замаскировать лаз на нижний уровень.

Квант вернулся домой довольно поздно. Хотелось есть, но сил на это уже как-то не было. Даже душ принять... Просто добрал до кровати и, побросав одежду на пол, залез под одеяло. Годы уже не те, чтобы лазить под землей, и пора бы подумать о заслуженном отдыхе, только вот до пенсии еще далеко, а пенсионный фонд он должен создать себе сам, ибо официально этот человек числился безработным и пенсия его будет мизерной.

И чтобы с какой-нибудь симпатичной официанткой замутить – также годы не те... Только вот ничто не мешало Кванту думать об этой девушке, засыпая.

Комната

Экипировка следующего рабочего дня была серьезнее: тяжелый комбинезон с нашивками МЧС, рукавицы, каска. Вместо спусковой лебедки Квант взял складную стремянку. Водитель такси окинул его равнодушным взглядом, будто бы городские рабочие каждый день заказывают машины из Беляево в центр, направляясь на места исполнения своих обязанностей при полном параде. В советское время шоферу могла бы прийти в голову мысль, что он везет преступника в маскараде, и он бы невзначай притормозил у отделения милиции. Квант и тогда прибегал к форме государственного служащего, расставляя знаки у канализационных люков, но желтый жилет он надевал непосредственно перед началом операции, выходя в образе честного пролетария из-за какой-нибудь трансформаторной будки.

В те безынфляционные годы любая монета, начиная с 1961-го, имела хождение, даже если она четверть века пролежала на дне коллектора. В детстве Квант был почти золотоискателем: он действительно намывал тысячи монет в подземных деньгоносных реках Москвы. Тринадцатилетнего мальчика мучило что-то вроде грибных кошмаров. Съездив за грибами в какие-нибудь Петушки, человек бредит грибами всю ночь. Вместо грибов у Кванта в глазах переливались монеты, потоки меди и серебра. Родители сначала не понимали, почему сыночек приходит домой столь чумазый, затем всерьез были обеспокоены тем, что малолетка совершает покупки, немыслимые даже для многих взрослых, например, кинокамеру или кассетный магнитофон. Кванту довольно долго удавалось юлить, изливая потоки лжи, не менее обильные, чем денежные потоки, которые он фильтровал в городской канализации. Магнитофон? Да это приятель дал на время. Камера? Да тоже приятель... Его семья, между прочим скоропостижно свалила в Америку, а вещи так и остались... И так далее. Впрочем, Квант из мокрых туннелей благополучно выбрался – на чердаки, к свежему воздуху и голубям. Рухлядь, сваленная там, была деньгами, гораздо большими, чем, собственно, деньги из подземных вод, только превращалась в них не сразу. Когда Квант закончил школу и пришла пора в обязательном порядке идти на какую-то работу и в армию, он умудрился отмазаться и от того, и от другого, поскольку к тому времени уже разъезжал на собственной «Шахе» и купил хитрым маневром обмена эту квартиру в Беляево. Затем наступила перестройка, открылся Вернисаж в Измайлово, Квант на годы обосновался там: уже официально торгуя тем, что добывалось в подвалах и на чердаках. За те несколько лет не только Москва, но и все остальные города страны были разорены диггером: из чердаков и подвалов было вынесено всё, что предоставляло хоть какую-то ценность. Печальная участь постигла многие церкви и монастыри, где завелись черви в рясах. Черви, одетые так или эдак, завелись по всей стране: они точили и точили, и сточили бы ее всю, кабы страна неожиданно не стала прирастать новым продуктом. Квант к тому времени стал уже известным консультантом и организатором, он больше имел дело с бумагами и файлами, нежели с комбинезоном и инструментом, но в отдельных случаях, как, например, сейчас, посылать вместо себя на работу каких-то мальчишек было нерентабельно: если они ничего не найдут, то заработают чрезвычайно мало, а если – напротив – найдут нечто весомое, то все это придется делить, и тогда мальчишки получают не по заслугам. Главное же было в другом – какой-то дьявольщиной веяло от клочка бумаги, где был изображен предмет, похожий на чайник...

Со вчерашнего дня в подвале ничего, конечно же, не изменилось. Квант добрался до комнаты, установил стационарный фонарь и расчехлил перфоратор. Стена стала сыпаться с первых же ударов четырнадцатимиллиметрового жала. Обшивка ржавой железной двери показалась уже через минуту. Квант переместил инструмент в то место, где предположительно находился замок, и вскоре из-под жала брызнули искры.

Обычный амбарный замок из обихода первой трети двадцатого века. Варварски вцементированный вместе с дверью... Тут большой кусок маскировочной плиты обвалился, ударив Кванта по ногам. Трещина пошла наискось к левому верхнему углу, Квант наподдал перфоратором туда. Обвалился весь угол. Дверь была расчищена на удивление быстро.

К счастью, замок не был заперт, а просто накинута на скобу, а то пришлось бы возвращаться домой за болгаркой. Дверь поддавалась, хоть и с трудом. Судя по затхлости воздуха, это помещение не имело никакого развития. Комната почти квадратная, метров шесть на шесть. Сводчатый потолок, очень старая кладка.

Квант осмотрел комнату. От пола и до потолка по всем четырем стенам высились этажерки из стульев и табуреток. Квант сразу прошел в ту область, которая была обозначена на схеме как вероятное место нахождения предмета. Повертел головой, шаря фонарем в углу. Предмет отыскался довольно быстро. Он стоял на табуретке в углу, словно музейный экспонат на подиуме. Рядом возвышались старинные часы с гириями. Квант хорошо представлял, сколько могут стоять такие часы. Он шумно вздохнул и огляделся, двигая фонарем. Вещи, которые выхватывал луч, поражали. Это был добротный, очень хорошо сохранившийся антиквариат. Между прочим, и чайников здесь хватало: китайский, русский фарфор девятнадцатого века, советский двадцатого... Были и металлические чайники для кипячения.

Квант снова сосредоточил свет на целевом предмете. Бережно взял его в руки, приподнял и с удивлением снова поставил на табуретку. Предмет был слишком тяжелым для своего объема. Золото, вот оно что... Даже если и золото – не переплавлять же эту штуку собрался старик?

Мелькнула шальная мысль послать старика подальше. Впрочем, всего лишь мелькнула, именно шальная. Будь Квант *таким*, он бы давно стал миллионером и жил «на Канарах». Впрочем, жить ему хотелось только в России и исключительно в Москве. И миллионером быть он также не желал.

Если даже представить, что эта штука и на самом деле состоит из чистого золота, то вещи, содержащиеся в комнате, вещи, которые Андрей Николаевич отдавал ему в качестве гонорара, представляли собой гораздо большую ценность. Разве что, это было не просто золото, а некое уникальное произведение искусства...

Квант повертел предмет на табуретке, приподнял его и рассмотрел дно. Что-то было в этой штуке знакомое, почему-то веселое... Нет, это не произведение искусства. В чем-чем, а в искусстве Квант разбирался достаточно.

Экспонат был похож на вытянутый и сильно сплюснутый с боков чайник. Без какого-либо орнамента, надписей, украшений. Ничем, кроме слитка металла, это быть не могло. Единственное, что приходило в голову – древний якорь. Благо что было, за что его зацепить: явное ушко с одной стороны «чайника».

Ну-ну. Золотой или платиновый якорь. «Чайник» матово поблескивал. Кванту показалось, что он приветствует его, как-то даже подмигивает. Также ожил и маятник часов, будто качнувшись... Нет, это сам Квант качнул головой с фонариком. Знал бы он, при каких обстоятельствах понадобятся ему эти часы... Впрочем, позже ему казалось, что да, знал. Что это и был первый момент его контакта с силой, которая хранит и карает, которая действует не известно из какого времени и пространства. Глядя на эти часы, Квант представил себя стоящим на коленях, на краю какого-то черного провала с этими часами в руках, будто он есть не кто иной, как сам хранитель времени.

Квант замотал головой, пучок собственных волос ударил его по плечам... Чушь какая-то. Он взял «чайник» и упаковал его в заранее заготовленный сотовый пластик, шелкающий в руках своими крохотными дутиками.

Это было пока что полдела. Знай он, что будет такая ситуация с дверной скобой, просто захватил бы с собой новый замок. Впрочем, мгновенно пришло остроумное решение: он

накинул ржавый замок на ушки, а позади него пристроил один из своих карабинов, болтавшихся на диггерском поясе. Теперь некто невнимательный (достаточно невнимательный и со своим скудным фонариком) мог бы не заметить карабин за корпусом замка и решить, что дверь заперта.

Этого, впрочем, мало. Квант хорошо знал, что нежеланные гости в подвале могут появиться в любой момент и набросал на пролом пола листы шифера, будто просто сваленные тут в беспорядке. Правда, сам он, увидев такую кучу, сразу бы понял, что здесь что-то скрыто, но не все диггеры имеют одинаковую квалификацию. Работая с этим шифером, Квант чуть было не провалился в квадратную яму в следующей комнате подвальной галереи, и опять какое-то предчувствие кольнуло его, некий смутный образ, объединяющий «чайник», часы и яму, и вновь хвост волос ударил его по плечам...

Квант заехал домой, принял душ и переоделся. Позвонил старику, договорились о встрече.

– Всем доволен? – спросил тот. – Никаких дополнительных денег не надо?

– Нет, – ответил Квант. – Просто любопытно, откуда в подвале такая бесценная рухлядь.

– Это не важно, – сказал Андрей Николаевич. – Достаточно того, что вся она теперь твоя.

С телефонной трубкой возле уха Квант смотрел на странный «чайник», который, особенно в этом случайном повороте, казался очень знакомым предметом.

Кванту пришла в голову дельная мысль. Он включил компьютер и поставил перед ним предмет. Для чистоты фона водрузил позади него коробку из-под обуви: ее нижняя часть была однородно серой. Сделал снимок веб-камерой и послал снимок в сеть. Гугль выдал огромное количество картинок, десятки тысяч изображений, на которых в разных видах красовался подобный предмет. Не тот же самый, но очень похожий, и было это не чем иным, как волшебной лампой из восточной сказки.

Аладдин

Квант почувствовал себя так, будто ему залепили звонкую оплеуху. Перед глазами пронеслась вся эта сказка, скорее – известный фильм по ней. Магрибинец обманул Аладдина, заставил его спуститься в подземелье, принести ему старую лампу, а все остальные сокровища якобы отдал ему. Не правда ли, что-то знакомое?

Подходя к дверям ресторана, Квант услышал за спиной резкий скрип тормозов. Он непроизвольно оглянулся. Остановилось такси, и какой-то человек быстро вышел, хлопнув дверью. Смутная фигура в длинном плаще... Очень, наверное, проголодался, – подумал Квант.

Старик уже сидел у дальней стены. Посетителей было немного, впрочем, зеркала на стенах их размножали виртуально: порой в теле колонны неожиданно появлялась чья-то отраженная рука с бокалом. Голодный пассажир такси также выглянул одновременно из нескольких зазеркалий.

Подлетела девушка Катя. Квант бы пожалел, будь сегодня на ее месте какая-то другая, ее сменщица. Он поставил на стол коробку из-под обуви, куда упаковал «волшебную лампу», и снял с коробки крышку. Андрей Николаевич заглянул в коробку, вытянув старческую шею.

– Хорошо, – сказал он. – А то я на самом деле боялся, что ты принесешь какой-нибудь чайник.

– Вы, конечно, не удосужитесь мне сказать, что это такое?

– Нет. Скажу лишь одно. Здесь нет никакого криминала. А все вещи из подвала теперь принадлежат тебе. Кстати, надеюсь, никто не заберет все эти вещи, пока мы тут сидим...

– Вероятность невелика, – сказал Квант, – но она все же существует. По московским подвалам постоянно лазают бомжи, мальчишки... Диггеры также порой прочесывают, но только самые молодые, которые думают, что мы им хоть что-то оставили. В сущности, те же мальчишки...

– Ты все же замаскировал проход?

– Конечно.

– Интересно, а каким образом?

– А вам, в свою очередь, это важно? – спросил Квант.

– Просто любопытно, – сказал старик, и Квант почувствовал в его голосе явную фальшь.

Катя принесла вино, наполнила бокалы и поставила бутылку на стол. Квант не удержался и проводил девушку взглядом: она шла, как всегда ходят официантки или стюардессы: преувеличенно покачивая бедрами... Вдруг в одном из зеркал Квант заметил какое-то странное движение. Видел-то он очень хорошо, наверное, потому, что значительную часть жизни провел в темноте... Взгляд совершил ломаный путь в пространстве, дважды преломившись в зеркалах и вернулся обратно. Он видел стол, за которым сидел, свои руки на столе, бокалы и бутылку. Далекая рука старика в сером обшлаге прошла над бокалом Кванта и бросила что-то в бокал.

Квант не спешил поворачивать голову, притворяясь, что все еще наблюдает за уходящей официанткой. Со стороны его сотрапезника он, вероятно, выглядел даже не в профиль, а и вовсе отвернувшись. Старику и в голову не могло прийти, что Квант увидел то, что он сделал.

Он обернулся с безмятежной улыбкой. Сказал:

– Красивая девушка.

– Такой и должна быть официантка, – ответил Андрей Николаевич, также улыбаясь человеку, которому только что подсыпал в бокал какой-то наркотик.

Квант лихорадочно соображал: что это может быть и зачем? Клофелин, чтобы он вырубился? Но для чего? Яд... Но это было бы вообще смешно. Он вспомнил классическую историю: магрибинец просто-напросто запер Аладдина в подземелье, обрекая его на верную

смерть. Вернее, он хотел так сделать и точно убил бы его, не выскользнул в последний момент из его рук лампа.

Что бы там ни было... Квант хотел было имитировать неловкое движение, чтобы опрокинуть свой бокал. Либо надо было просто встать и уйти, отказавшись от выпивки. Однако он принял другое решение, о чем очень скоро пожалел...

– Ой, да что это там! – воскликнул он. – С ума, что ли они сошли? – прием был старый, киношный: Квант обратился к окну, будто его внимание внезапно привлекло нечто поразительное.

Старик купился, Квант ловким движением передвинул свой бокал по столу, а сам схватил другой. К несчастью, на улице и вправду кое-то происходило: байкер только что выхватил сумочку у женщины, и женщина от этого движения завертелась, как волчок.

– Никто не сошел с ума, – спокойно сказал старик, поворачиваясь и беря бокал, который был предназначен для Кванта. – Просто работают люди. Ты под землей работаешь, а этот – на земле... Что ж, выпьем за успех нашего предприятия.

Он кивнул и опрокинул свой бокал. Квант опрокинул свой и с любопытством поглядел на старика. Тот не схватился за воротник не посинел: протянул над столом руку и взял с блюдечка оливку. Квант вдруг подумал: ну и олух же он! Через зеркало ему показалось, что старик бросил что-то в его бокал, а на самом деле – он бросил в свой: ведь зеркало оборачивает изображение. И это было какое-то его стариковское лекарство, и он просто хотел его принять. Что-нибудь, смягчающее действие алкоголя на печень...

– Помочь вам с коробкой? – спросил Квант, видя, что Андрей Николаевич собирается уходить. – Тяжелая все-таки.

– Да нет, я еще не настолько немощный. Залезть в подвал с перфоратором – работа уже не для меня, а вот что-то до машины дотащить... – он поднял руку, призывая официантку.

Катя подошла, старик расплатился и вышел, постукивая палкой.

– Вам принести еще что-нибудь? – спросила официантка Кванта.

– Нет-нет, – пробормотал он, задумчиво глядя в сторону.

Все же он видел ситуацию не через одно зеркало, а через два. И старик бросил какую-то капсулу не в свой бокал, а в его... Квант быстро встал и вышел на улицу. Андрей Николаевич был еще хорошо виден: он шел в сторону парковки, с трудом неся тяжелую коробку. Квант двинулся за ним.

На стоянке было несколько машин. Старик остановился, сунул руку в карман. Одна из машин пискнула, мигнула, приветствуя хозяина, который нажал в кармане на кнопочку. И в этот момент реальность пошатнулась... Вернее, пошатнулся человек, на которого Квант пристально смотрел, и показалось, будто бы мир обернулся именно вокруг старика.

Андрей Николаевич выронил коробку, «лампа», завернутая в пластик, вывалилась и покатилась. Квант подскочил, но не к старику, а к «лампе», быстро спрятал ее обратно в коробку, и уж потом обернулся к человеку, который, цепляясь за зеркало собственной машины, сползал на мостовую. Он поднял голову и вперился взглядом Кванту в глаза.

– Ты... Выпил... Не то... – бормотал он. – Я... Выпил... То...

Квант нагнулся над ним, не выпуская коробки из рук. Андрей Николаевич по-прежнему пристально смотрел ему в глаза.

– Оставь ее себе... – проговорил он. – Не продавай. Когда-нибудь пригодится.

Это были его последние слова. Вокруг уже толпился народ. Квант поднял голову, сказал кому-то:

– Надо вызвать скорую, – правда, ему уже было яснее ясного, что старик, пытавшийся его убить, умер.

Он выхватил телефон да так и пошел с телефоном в одной руке, с коробкой – в другой. Оглянулся и увидел, что какой-то человек у машины тоже стоит с трубкой возле уха... Ничего,

разберутся. Квант уже направился прочь, мимо дверей ресторана, в сторону метро, как вдруг чуть ли не столкнулся с Катей.

– Я все видела, – сказала официантка.

Ночной кошмар

Девушка стояла перед ним, невообразимо красивая в свете окон ресторана, где работала, но Кванту уже и вовсе было не до этой красоты. Ведь он мог бы просто встать и уйти, и не за чем было пить отравленное вино.

– Я все видела через зеркало, – повторила Катя, теребя пальцами кружевной передник, что выглядело карикатурно, но девушка не могла скрыть своего волнения. – Этот человек бросил вам что-то в бокал, но вы подменили бокалы. Он выпил и умер.

Квант медленно двинулся по тротуару. Ему уже совсем расхотелось продолжать знакомство с красавицей.

– Вы будете меня шантажировать? – глухо проговорил он.

Девушка пристально посмотрела на него, вдруг рассмеялась:

– Вовсе нет.

– Тогда зачем этот разговор?

– Я не просто работаю официанткой. На самом деле я – частный детектив.

Квант присвистнул от удивления.

– Этот человек хотел убить вас, а вы перехитрили его.

– Почему же он хотел меня убить? – сказал Квант, тряхнув коробкой. – Из-за этих ботинок?

– Это не ботинки, – твердо сказала девушка.

– А что это?

– Бьюсь об заклад, вы и сами не знаете.

– Нормально. Входишь в роль героя боевика.

Катя вопросительно подняла бровь. Квант пояснил:

– Это они так выражаются. «Бьюсь об заклад» и тому подобное. В кино, конечно.

Говоря, он продолжал идти, Катя семенила за ним. Они миновали двери ресторана, официантка неуверенно оглянулась на них.

– Что же, так все и оставим? – спросила она.

– Думаю, да, – ответил Квант, отметив, что и сам заговорил языком кинодубляжа.

Катя остановилась, Квант продолжал идти. Девушка повернулась и пошла к своему ресторану. Квант облегченно вздохнул. Никакая она не девушка. Частный детектив. Этого ему еще не хватало...

Что, в сущности, произошло? Некий человек нашел его в интернете и предложил работу. Когда работа была сделана, заказчик решил его отравить. Квант подменил бокалы – даже не из опасения, поскольку все это казалось какой-то игрой. На его памяти людей убивали, но не за какие-то там чайники... Может быть, дело не в этой вещице, а в том, что осталось в комнате? Квант был нужен лишь только как опытный диггер и долбино, только и всего. «Лампа» – это всего лишь предлог, чтобы сломать дверь. В дверь же войдут другие. Которые не умеют ломать.

Приехав домой, он поставил «лампу» на кухонную тумбочку. От предмета будто бы веяло страхом. Он будто смотрел на него. Эдакий чайник с глазами из детского кошмара.

Действительно: ведь чайник похож на человеческую голову. Чушь какая-то... Природа страха была не в облике «лампы» а в том, что час назад он стал убийцей.

Квант чувствовал себя настолько подавленным и уставшим, что бросился, не раздеваясь, на кровать и мгновенно уснул.

Так это бывает: тебе кажется, что какое-то сновидение повторяет или продолжает другое – то, что ты видел много лет назад. Квант проснулся с ощущением ужаса, и казалось ему, что этот ужас он уже знал и видел когда-то.

Во сне он услышал какой-то свист. Он проснулся, встал, прошел на кухню. Почему-то на плите стоял чайник. Почему-то он кипел и свистел. Квант удивился: у него никогда не было такого чайника. Он уже понял, что спит и пробуждение было фальшивым. От этого знания ужас не утих, поскольку у чайника были глаза... Желтые, бегающие туда-сюда маленькие глазки. Внезапно они застыли и уставились на него. С этим Квант проснулся по-настоящему. Казалось, свист все еще стоит в ушах. Квант прошел на кухню, чтобы убедиться, что чайника нет. Его не было. На кухонной тумбочке стояла Лампа. У нее не было никаких глаз. Но от нее исходил ужас.

Именно с этого момента он и стал называть предмет Лампой – с большой буквы и без кавычек.

Странные грабители

Все дело именно в этом предмете, в Лампе. Это был какой-то макет Лампы, муляж или символ. Ее нельзя открыть, внутрь нельзя залить масло. Памятник Лампе. Не сосуд: он внутри полый, а этот состоял из цельного куска металла, либо был запаян настолько искусно, что шов разглядеть невозможно даже в лупу.

Что-то похожее на ритуальные предметы, с какими клали в могилу... Вроде бы, настоящий, но пользоваться им нельзя. Костюм покойника не предназначен для того, чтобы его носить. Часто он односторонний, половинчатый, существующий только сверху.

Квант тщательно рассмотрел поверхность Лампы через лупу. Никаких надписей и анаграмм. Царапин и вмятин тоже. Подумав о царапинах, Квант похолодел: этот предмет имеет инопланетное происхождение. Иначе не объяснишь... Впрочем, его могли сделать несколько десятилетий назад и новеньким поставить на табуретку в запечатанном подвале. Кто там его поцарапает – пауки?

Впрочем, это легко проверить. Квант схватил со стола первое попавшееся под руку (это была вилка) и саданул по округлому боку. Никакого эффекта. Лампа была явно тверже мельхиора.

Он выдвинул ящик с инструментами и отыскал победитовое сверло. Царапнул. То же самое. Так. Явно не золото.

Хорошо. Это некий магический или инопланетный предмет (Квант не верил ни в то, ни в другое). Впрочем, инопланетяне, конечно, могут существовать, следовательно, их вещи – тоже... Но стоит вернуться на землю. Предмет, похожий на знаменитую Лампу, состоящий из невообразимо твердого вещества. Предмет, имеющий для какого-то столь великую ценность, что из-за него Кванта чуть было не лишили жизни. Взять да и зашвырнуть его в Москва-реку прямо сейчас. А остальные вещи в подвале? Тоже самое. Оставить их на разграбление другим диггерам.

Стоп. Странная мысль пришла Кванту в голову. А что если и все остальные вещи в подвале такие же, как и Лампа? Например эти часы в деревянном корпусе. Попробовать царапнуть его ножом...

Да и вообще – рассмотреть эту коллекцию. И не пора ли просто-напросто начать ее разрабатывать как неожиданно открытое месторождение?

Для начала надо было бы найти место: арендовать бокс, старый гараж или что-то в этом роде. Затем, на грузовике с парой рабочих перевезти туда все это «наследство». Но во-первых надо было бы просто повесить на железную дверь обычный амбарный замок, чтобы дня два-три чувствовать себя спокойнее.

Все это Квант начал исполнять немедленно: залез в инет и поискал возможное место для склада, уточнил цены, поставил засечки. Уложил Лампу в сумку и вышел из дома около девяти утра, когда открывался ближайший хозяйственный магазин.

Замок выбрал самый простой и дешевый: божью и такой не под силу, а профи с любым справится. Сдуру взял такси, хотя никакой лестницы на сей раз тащить было не надо. Городские пробки изрядно отбросили его во времени, словно аппарат Уэллса. Позже он думал, что эта временная фора спасла ему если не жизнь, то, по крайней мере кости. Так часто случается: опоздаешь, скажем, на «Титаник», руки заламываешь, бегаешь по причалу, а потом...

Кванту казалось, что Лампа в сумке становится то легче, то тяжелее, то холодит его бок, то напротив – печет. Он мысленно разговаривал с нею, будто вез куда-то кошку.

Войдя в комнату, он схватил первый попавшийся предмет (им оказался медный канделябр) и царапнул его нижней невидимую чашу ключом от нового замка. С этим все было нормально: борозда остро заблестела в свете налобного фонаря. Открыл стеклянную дверцу часов,

протянул цепочку с гирями и качнул маятник. Часы невозмутимо пошли. Это мирное тиканье, казалось, разрывало гробовую тишину, словно не ходики заработали в комнате, а паровоз.

Курьезная версия о том, что коллекция представляет собой муляжи земных предметов, созданных инопланетянами, отпала. Странным предметом была только Лампа. Однако вопрос самой коллекции – кто ее создал и для чего – не снимался.

Здесь были собраны предметы с конца девятнадцатого века производства, но основное наполнение составляла мелочевка тридцатых годов. Обыкновенный электрический утюг. Эбонитовые настольные лампы. В большой шкатулке деньги царские и раннесоветские. Квант приподнял и покачал эту шкатулку, на содержимое которой можно было купить средней паршивости автомобиль.

У стены лежали какие-то продолговатые свертки, плотно выстроенные от пола до потолка. Они были разными по толщине, но почти идентичными по формату. Такой размер был хорошо знаком Кванту. Чтобы проверить свою догадку, он надрезал шпагат и развернул оберточную бумагу. Действительно: в свертке были плотно уложены старые газеты.

Квант развернул их веером.

– Информационный портал, – задумчиво проговорил он вслух.

Ему вдруг стало страшно. В голову опять полезла всякая чертовщина об инопланетянах, которые хранят в многочисленных тайниках сувениры с планеты Земля, а странный старик – то ли сам переодетый инопланетянин (весь его облик – скафандр, а кожа – оболочка, Квант читал подобное в какой-то фантастике), то ли их ставленник (и такое он также читал...)

Впрочем, для информационного портала это было слишком примитивно... Библиотека новостей предполагала бы распределение газет по датам, да еще одна за другой, но это была не подшивка, а разрозненные номера, хоть и все – за один год. Более того, большая часть газет существовала в одном экземпляре, а некоторые – почему-то в нескольких. Так, газета «Известия» за 21 июня 1937 года была в десятке экземпляров. Там сообщалось о перелете Чкалова через океан. Еще один номер, за 7 мая того же года, повествующий о катастрофе германского дирижабля «Гинденбург» также был представлен десятком.

Две газеты являли на первых полосах заголовки, связанные с темой покорения неба в 1937 году. 8 апреля – впервые в истории воздухоплавания дирижаблем управляет женский экипаж. 5 октября – дирижабль СССР «Осоавиахим» установил мировой рекорд по продолжительности полёта – 130 часов 27 минут. Эти номера «Известий» были представлены пачками по несколько экземпляров, остальные были в разрознены и, похоже, никакой системе не починялись.

Квант задумался. Какое отношение вся эта странная коллекция имеет к авиации, к воздухоплаванию? Он повертел головой, шаря фонариком. На одной из тумбочек стояла модель самолета. Квант подошел. Это был промышленно изготовленный сувенир, состоящий из металла и текстолита. Надпись «СССР» и герб, бросающий тусклый отблеск. Мельче слова: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор!»

Самолет был абстрактный, не повторяющий ни одну из известных моделей. Квант обошел стеллажи, рассматривая предметы. Скульптурки, арифмометры, готовальни, флаконы и прочая мелочь. Больше ничего из области покорения советского неба. Хватит космических идей. Все это очень даже земное...

Он вернулся к пачкам газет, вспорол еще одну. Год 1939-й. Здесь, напротив, газеты вещали о каких-то других новостях, значимых для того времени, но не имеющих отношения к авиации.

12 марта – заключён мирный договор между СССР и Финляндией, завершивший советско-финскую войну.

6 мая – в Азербайджанской ССР открыт Самур-Дивичинский канал им. И. В. Сталина.

22 мая – в СССР учреждена медаль «Серп и Молот», вручавшаяся Героям Социалистического Труда.

Среди старинных книг и журналов – издания рубежа веков, на самом верху стопки он заметил тетрадь и быстро полистал. Это были чьи-то записи, сделанные круглым почерком. Тетрадь содержала опись предметов коллекции и, возможно, ключ к ее тайне. Квант засунул тетрадь в сумку, весьма кстати устроив ее сбоку, чтобы Лампа не упиралась ему в поясницу и не мучила температурной галлюцинацией.

Зачем он вообще взял ее сюда? Ах, да, маячила смутная мысль, что и все остальные предметы будут муляжами из неземного материала... Тогда просто оставить ее тут, запереть дверь и убраться восвояси. Ну их, этих инопланетян. Мороз продирает по коже при мысли о них.

Впрочем, вскоре выяснилось, что не зря он таскал артефакт с собой, хотя пришельцы из иных миров были тут вовсе не при чем. То, что увидел Квант, переступив порог своей квартиры, было явным последствием действий самых обыкновенных людей.

Все его логово было разорено, как это порой можно увидеть в криминальных фильмах: ящики выдвинуты, на полу валяются вещи и так далее. Все было проделано усердно, можно даже сказать – маниакально. Ни одного уголка квартиры не оставили без внимания.

Квант всегда ожидал чего-то подобного, ведь многие знали, что он обладает значительными ценностями, по крайней мере, достаточно долго держит их дома, пока не удастся с максимальной выгодой продать, но... Ничего не было похищено. По крайней мере, так показалось с первого взгляда. Либо они искали что-то определенное и не нашли, либо все же что-то нашли, но хозяин этого хаоса не мог понять, что именно... И времени нет. Кто-то побывал в его квартире за те три часа, пока он ездил на Сретенку. Вероятность того, что искали что-либо другое, кроме Лампы, ничтожно мала. Учитывая то, что из-за Лампы его чуть было не отравили, да и сам он стал невольным убийцей, владение этим предметом смертельно опасно. Нет и речи о том, чтобы остаться дома, вечером спокойно лечь спать и так далее... Эти люди могут в любой момент вернуться, а кто они и чего им надо – неизвестно. Это уже не мистический страх Лампы, абстрактный страх инопланетян, а нечто более серьезное.

Квант быстро собрал необходимые вещи и захлопнул дверь своего дома.

Тетрадь мальчика

Квант сидел на лавочке в сквере у метро, глядя, как косарь косит траву. Смешанный запах бензина от косилки и свежескошенной травы давал обманчивое ощущение покоя. Сумка лежала рядом. Со стороны могло показаться: либо какой-то приезжий, либо москвич, который собрался скажем, на дачу. Никакого плана дальнейших действий он не имел.

Что делать – заявить в полицию? Ну да. Среди предметов, разбросанных на полу, были такие, из-за которых органы правопорядка могли заинтересоваться не странными грабителями, а самим Квантом. По-настоящему криминального здесь ничего не было, но все же...

Ясно, что все эти события: появление старика, его смерть, обретение Лампы и обыск в его доме – связаны в одну цепь. Лампа являлась явно каким-то особенным артефактом, изготовленным из метеорного железа или чего-то подобного. На ум пришла дамаская сталь с ее утерянным секретом, нержавеющая колонна в индийском храме, почему-то блеснули на самом дне сознания хрустальные черепа... Земные предметы с неземными свойствами. Во всяком случае, ценность этой Лампы была уже реально подтверждена: ведь для Андрея Николаевича, все сокровища подземного хранилища, несомненно, ему известные, несомненно, очень весомые, не стоили этой Лампы.

Квант с грустью подумал, что нет у него таких друзей, к которым можно было бы запросто завалиться: я поживу у тебя чуть... В принципе, ночевать можно во многих местах. Он знал уютные чердаки и подвалы, заброшенные загородные дома и здания на капитальном ремонте, где и электричество было, и вода.

Надо только как-то выяснить, что за люди им заинтересовались... Установить в собственной квартире видеокамеру? Ключ от всего, как он понимал, был в Лампе и в самой сретенской коллекции. Тетрадь из подвала он, конечно же, захватил с собой. Открыл сумку и принялся читать.

Это был дневник какого-то мальчика, который он вел в тридцатые-сороковые годы. Записи были банальны: о школе, о девочке с синими глазами... Большая же часть записей составляла перечень предметов, которые находились в подвальной комнате на Сретенке, а также история каждого из них. Интересное было только в начале дневника (объяснение сути этой коллекции) и в конце, где мальчик рассказывал ошеломительную историю, в которую трудно было поверить.

Самая первая запись поражала. Трудно было представить, что на свете может существовать такой мальчик, который делал то, что он делал. Но комната и предметы в ней доказывали реальность этого абсурдного мальчика.

21 сентября 1938 г.

Идея пришла ко мне давно, еще три года назад. Слышал разговор старших, ребят, которым за двадцать. Один стал говорить о своем заводе, что хотел бы перейти на другой, который поближе, и начальство давало разрешение, но вот беда: будут проблемы с пенсией. Двое других подняли его на смех. Рано тебе думать о пенсии! Тебе ж до пенсии тридцать пять лет.

Разговор происходил на нашей кухне. В дверях стояла тетя Соня, она уже пенсионерка. Вошла и сказала:

«Простите, хлопцы, что я вмешиваюсь, но... Эти тридцать пять пролетят у вас, как один день. Вспомните мои слова», – с горечью закончила она.

Тетя Соня вскоре умерла, и в ее комнату въехал дядя Толя, очень таинственный человек. Но речь не о нем. Этот разговор меня просто потряс. И слова покойницы. Еще я слышал от старших, они шептались, что пенсия у людей очень маленькая, особенно в колхозах. Да и в

городе. Ее едва хватает на очень скромную жизнь. А то, что старики живут, я также знаю. Именно ЖИВУТ. Даже женятся. В нашем дворе как раз женились старик и старушка, правда, она не была в подвенечном белом платье.

И вот, пришла мне в голову эта мысль... Пройдет время, я женюсь на Синеглазке, выйду я на пенсию. И будет у нас эта очень скромная жизнь. Нет, так не пойдет. Еще я знал, что старики имеют какие-то СБЕРЕЖЕНИЯ. То есть, они подкапливают деньги, чтобы на пенсии им не так уж скромно жилось.

Это, конечно, правильно, копить деньги. Но с деньгами происходят всякие странные вещи. Иногда их начинают менять. И тогда старые деньги не стоят ничего.

На нашей улице есть антикварный магазин. Там работает дядя Сеня. Он мне и поведал правду о предметах.

Я с детства любил ходить в этот магазин и рассматривать всякие вещи. Чего там только не было! Старая-старая мебель. Кожаные книги. Флакончики из цветного стекла. И пахло там всегда по особенному. Непонятно, чем. Может быть, сама старина, само время так пахнет.

– А ты, оказывается, был поэтом! – вслух проговорил Квант, оторвавшись от этого круглого почерка, еще нестабильного, полного всяких графических экспериментов...

Да, именно запах антиквариата – смесь выделанной кожи, дуба и бука, медной окалины – привлек когда-то в этот таинственный, опасный мир и самого Кванта... Но все же продолжим. Несостоявшийся мальчик-поэт... Или состоявшийся – кто знает? – уже жил перед его глазами, вполне реальный мальчик из тридцатых годов.

Дядя Сеня как-то сказал, и это мне запомнилось:

«Вот смотри, флакончик. Ему около ста лет. Теперь он стоит 6 рублей. Очень дорогой флакончик. Но 100 лет назад, в пересчете на наши деньги, он стоил копейки. Таким дорогим его сделало время».

Он оглядел свой магазин и добавил:

«Это касается всех предметов, которые я продаю. Когда-то они продавались на каждом углу, и купить их мог даже бедняк. А сейчас? Покупают только богатые люди».

«Зачем люди покупают флакончики?» – спросил я.

«Дурачок ты несмышленный. Покупают эти предметы для того, чтобы сохранить деньги. Ведь деньги – это просто бумажки. А вещи с каждым годом возрастают в цене».

«Дядя Сеня, – спросил я, – значит, если купить сейчас какой-нибудь флакончик то через 100 лет мой внук сможет его продать во много раз дороже?»

«Не через 100. Антиквариатом предмет становится уже через 40–50 лет. Был бы ты смысленным мальчиком, то накупил бы массу всякого барахла да спрятал понадежнее. Шучу, конечно. Вам, мальчикам, и в голову не придет, что вы когда-нибудь станете стариками».

Но мне-то пришло! Я вспомнил разговор на кухне. И у меня возникла ИДЕЯ. Мне было тогда 10 лет. Ровно через 50 лет как раз и будет пенсия, на которую человек может едва прожить. И мы с Синеглазкой получим на воспитание внуков, но будет ли счастливой наша с Синеглазкой жизнь?

Я принялся рассуждать. Вовсе ведь не обязательно покупать только современные предметы. Их полно даже на свалках – каких-то вещей, которым уже сейчас лет 30, и которые люди выбрасывают. Вещи, которые через полвека будут стоить огромные деньги.

Первое время я просто ходил со своей идеей, обдумывая ее даже в шутку. Но как-то нашел на нашей дворовой помойке старый барометр, сделанный, судя по штампу, в 1915-м году. Он был рабочий: исправно показывал колебания давления. Кто-то из жильцов его выбросил. И почему, когда его можно было снести в антикварный магазин тому же дяде Сене? Что я и сделал.

«Дам два рубля», – сказал дядя Сеня, протягивая руку за барометром.

«А через пятьдесят лет?» – спросил я, на всякий случай, улыбаясь.

«Ну, если бы этому прибору было на пятьдесят лет больше, и выпущен он был, скажем, в 1865-м году, то я бы тебе дал за него не 2 рубля, а 20».

«20 рублей!» – с изумлением воскликнул я, и мои глаза полезли на лоб.

В этот момент я и принял окончательное решение и начал действовать. Дело в том, что у моей бабушки Насти, которая жила в деревне, пенсия как раз и была без чего-то 20 рублей. В 1865-м году бабушке было 9 лет. Даже младше меня была, надо же! Допустим, она бы где-то раздобыла такой барометр. Допустим, она зарыла бы его в землю...

В общем, я стал искать МЕСТО. Это должна была быть какая-то подвальная комната. Что-то глубоко скрытое, что-то такое, чего никто не сможет найти.

Два моих друга, Генка и Витька, с радостью согласились на мое предложение... Да уж. Так я им всё и рассказал. Я заразил друзей идеей искать клады, только и всего. Мы стали лазить по городским подвалам, залезали в водосточные люки. Оказалось, что некоторые подземные ходы Москвы идут просто из подвалов обычных жилых домов.

Часть ходов было завалено или замуровано цементом. Я подумал, что тоже замурую цементом ход, когда закончу свою коллекцию.

Что будет через пятьдесят лет? Будет ли война с немцами? Взрослые говорят, что не будет, а ребята – будет и победим, и воевать будем в Европе, вот повеселимся! Полетят ли советские летчики на Марс? Встретят ли там братьев по разуму? Мой сын – какой он будет? Сейчас мне 13 лет. Сын родится лет через 10. Тогда ему будет 37, как Пушкину. Мой сын – взрослый дядя, умора просто! Да и внук тогда уже будет. А внук-то будет старше меня, как Витька сейчас. Умора!

Комната была найдена неожиданно. В подвале одного дома на Сретенке был ход в сторону бульвара. Ход кончался тупиком, но на полу было какое-то невразумительное отверстие. Мы сбросили пару кирпичей и пролезли. Там открылась комната, а за ней еще одна. Эта имела железную дверь, которую можно было, хоть и с трудом но двигать туда-сюда.

Комната за дверью была вместительной. В стенах чернели ниши.

«Пусто!» – с разочарованием воскликнул Генка.

«Все уже украли до нас, – заметил Витька. – Идем дальше».

Я успел хорошо рассмотреть это место. Оно имело три важных узла: дверь, лаз в полу и сам вход в коридор. На дверь можно было повесить амбарный замок, а лаз завалить пустыми ящиками, которые валялись тут же. Это на то время, пока я буду создавать коллекцию. В дальнейшем, когда коллекция будет создана, я поступлю таким образом. Лаз в полу заложу теми же кирпичами, которыми он и был поначалу заложен. Саму дверь, которая располагалась в значительном углублении, замурую цементом. То же самое сделаю и в самом подвале дома, с входом в этот коридор. Таким образом, получится тройная защита. Вряд ли кому-нибудь придет в голову точно такая же последовательность действий.

Я много думал: что это за помещения и кем они были созданы? Дом на Сретенке очень старый. Наверное, его хозяин когда-то оборудовал себе тайник в этой комнате, но после революции увез свои ценности.

Даже если за 50 лет этот дом перестроят или сломают, то все равно останется подвал, а уж подземный коридор – точно. Коридор замкнут, никаких проходов из подземелий Москвы сюда нет.

Найдя это место, я охладел к «кладоискательству». Генка и Витька – тоже, но по другой причине: им просто надоело, хотя кое-какие «клады» мы все же разыскали в этих подземных путешествиях. Кожаную шкатулку с «катыми». Несколько мелочей: старинных петель и замочков, которые моих друзей не интересовали, но я их рассовал по карманам, отлично понимая их будущую ценность. Еще я подобрал тройной бронзовый канделябр, очень старый. Витька

настоял отнести шкатулку и канделябр тому же дяде Сене. Канделябр нашел лично я и отво-
евал его: сказал, что буду ставить свечи, потому что свет часто гаснет. Царские сторублевки
дядя Сеня купил по копейке за каждую «кати».

Квант отвлекся от тетради. «Тройной бронзовый канделябр» он уже подержал в руках,
пытаясь цапнуть: предмет начала девятнадцатого века стоял возле двери, рядом с керосин-
кой тридцатых, современной для мальчика, автора дневника. «Кати» сейчас стоят на антиквар-
ном рынке до 500 рублей за штуку, не считая банкнот некоторых особых годов выпуска, кото-
рые ценятся на порядок больше.

Дальнейшие записи лишь содержали перечень найденных и уложенных в схрон пред-
метов. Квант хорошо помнил подвал, будто сейчас ходил там, вращая головой и высвечивая
фонарем те или иные артефакты, педантично описанные в тетради.

Время от времени мальчик писал что-то о своих личных делах: о болезни матери, опять –
о своей трогательной однокласснице-Синеглазке... Последняя запись привела Кванта в недо-
умение.

12 сентября 1941 г.

Случилось страшное. Наш сосед воскрес. Мамаша и тетя Феня точно говорили, я слышал.
Бомба пробила крышу и разорвалась в коридоре, а он был на кухне. Вышибло кухонную дверь,
а его бросило о стену. Он погиб. У него была свернута шея. Так сказала тетя Феня. И его
отвезли в морг.

Родственников у этого человека не было, я точно знаю. Когда мы разбирали наши вещи
и складывали уцелевшие вещи, я вошел в его комнату. Там было множество вещей, которые
теперь не принадлежали никому. Я взял ручку «вечное перо» выпуска лет двадцать назад. Взял
пепельницу с собакой. Еще множество мелочей, набил целую наволочку. Прихватил какую-то
странную вещицу, похожую на масленку, но не масленку. Что это за вещица, я не понял, но
было ясно, что она старинная. Все пригодится.

(Здесь был их список, как обычно, но Квант его пропустил, поскольку его интриговал
сам текст дневника.)

Все вещи я отнес в тайник и расставил там, на стульях и табуретках. Даже эти стулья
и табуретки, из которых я сделал стеллажи, будут иметь антикварную ценность. Поэтому я
старался не повредить эту мебель, скрепляя элементы друг с другом.

Но вдруг заявился сосед. Тетя Феня просто рот раскрыла. Дара речи лишилась. «Это была
ошибка, что меня отвезли в морг», – сказал он и удалился в свою комнату, также разбирать
завал.

«Он был мертвый», – сказала тетя Феня мамаше и перекрестилась.

«Но ведь он живой, и слава богу», – с улыбкой возразила мамаша.

«Он был мертвый», – повторила тетя Феня.

Вскоре сосед вышел из своей комнаты и принялся говорить с тетей Феней. Он спросил,
как все произошло. Тетя Феня рассказала, что приходили дружинники и всех жильцов попро-
сили покинуть дом.

«Мертвых увезли, троих, в том числе, и вас», – сказала она.

«Как видите, я живой, – сказал сосед. – Меня просто очень сильно контузило».

Тетя Феня смотрела на него с недоверием.

«Получается, что эту ночь все ночевали, где придется?» – спросил сосед.

«Да. Дом был оцеплен. Я ночевала у... Не важно, у кого».

«А вы с матушкой где ночевали?» – спросил сосед меня.

«На Шаболовке, – честно сказал я. – У Крестовских, родственников наших».

«Значит, почти целые сутки дом стоял пустой?»

«Дом был оцеплен дружинниками», – сказала тетя Феня.

Позже, когда я вышел на улицу, то увидел соседа на лестничной клетке. Он преградил мне дорогу и сказал:

«Все остальные вещицы можешь оставить себе. Но вот эта вещь мне очень нужна».

Он показал мне листок бумаги, где, как я понял, только что нарисовал «масленку». Я очень испугался. За себя и за всю свою коллекцию. Я сделал невинное лицо и сказал:

«О чем вы, дядя Толя?»

«Кроме тебя, некому было взять», – сказал он, но не очень уверенно.

«Я ничего не брал, дядя Толя. Где? В вашей комнате? Да я и не входил туда!»

Он смотрел на меня с недоверием. В этот момент я заметил нечто странное в его облике.

«В доме были мужики, дружинники, – сказал я. – Они подворовывают, разве вы не знаете? Вон, в семнадцатом доме после бомбежки тоже разграбили квартиру. Чего вы на меня-то валите? Зайдите к нам в комнату, хоть всю комнату обыщите».

«А если я так и сделаю?»

«Сделайте!»

Сосед взял меня за руку и потащил наверх. Мать была на работе. Я сел на стул посреди комнаты и смотрел, как он ищет. Разумеется, он ничего не нашел.

Странной деталью в его лице была какая-то крупная родинка за левым ухом. Может быть, даже не родинка, а татуировка.

На другой день я увидел соседа на улице, когда шел из школы. Он прятался за деревом и смотрел за мной. Я сделал вид, что не заметил его.

Потом я еще раз видел его. Он не поверил и стал следить за мной. Догадался, что я куда-то спрятал вещи. Только вот никогда он не узнает, куда. Я решил больше не продолжать мою коллекцию. И так уже собрано много предметов. Для моей цели хватит. К тому же, в Москву могут войти немцы, а они-то уж всё на свете найдут, фашисты.

Дверь в комнату замаскирована надежно. Идея моя уже осуществлена. Только вот загадка: что это за «масленка» такая и почему она для дяди Толи так важна?

24 сентября 1941 г.

Выбрал, наконец, момент, и вот я снова здесь, в моем тайнике, с моей керосиновой лампой, которая через 50 лет также, как и всё тут, станет антикварным товаром...

Квант вспомнил, что одна керосиновая лампа стояла не среди прочих вещей, уложенная на хранение, а просто на свободном участке пола, рядом с табуреткой, на которой он сидел. Квант даже нагнулся и болтнул лампу. Пусто. Если там и оставался керосин, то за десятилетия он давно испарился через фитиль. Лампа была и вправду антикварной, изготовленной в тридцатые годы двадцатого века... Квант читал дальше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.